

ВАСИЛЬ
БЫКОВ

СОТНИКОВ

Москва
2026

УДК 821.161.1-31(476)

ББК 84(4Бел)-44

Б95

В оформлении обложки использована фотография
«Рабочий момент съёмки к/ф "Восхождение" (к/ст "Мосфильм", реж. Л. Е. Шепитько); в ролях:
Борис Андреевич Сотников — Борис Григорьевич Плотников,
Николай Рыбак — Владимир Васильевич Гостюхин».
г. Муром, 1976 г. / РГАКФД

Быков, Василь Владимирович.

Б95 Сотников : [повесть] / Василь Быков. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. —
(День Победы. Классика военной литературы).

ISBN 978-5-04-237573-6

«Сотников» — повесть белорусского писателя-фронтовика Василя Быкова, созданная на основе реальных событий. На примере двух партизан, попавших в плен к фашистам, автор раскрывает тему нравственного выбора человека в безвыходной ситуации.

УДК 821.161.1-31(476)

ББК 84(4Бел)-44

© Быков В., текст, наследники, 2026

ISBN 978-5-04-237573-6

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

СОТНИКОВ

★Глава первая★

Они шли лесом по глухой, занесённой снегом дороге, на которой уже не осталось и следа от лошадиных копыт, полозьев или ног человека. Тут, наверно, и летом не много ездили, а теперь, после долгих февральских метелей, всё заровняло снегом, и, если бы не лес — ели попеременно с ольшаником, — который неровно расступался в обе стороны, образуя тускло белеющий в ночи коридор, было бы трудно и понять, что это — дорога. И всё же они не ошиблись. Вглядываясь сквозь голый, затянутый сумерками кустарник, Рыбак всё больше узнавал эти ещё с осени запомнившиеся ему места. Тогда он и ещё четверо из группы Смолякова как-то под вечер тоже пробирались этой дорогой на хутор и тоже с намерением разжиться какими-нибудь продуктами. Вон как раз и знакомый овражек, на краю которого они сидели втроем и курили, дожидаясь, пока двое, ушедшие вперёд, подадут сигнал идти всем. Теперь, однако, в овраг

не сунуться: с края его свисал наметённый вьюгой карниз, а голые деревья на склоне по самые верхушки утопали в снегу.

Рядом над вершинами елей легонько скользил в небе тоненький серпик месяца, который почти не светил — лишь слабо поблёскивал в холодном мерцании звёзд. Но с ним казалось не так одиноко в ночи — вроде кто-то живой и ненавязчивый деликатно сопровождал их в этом пути. Поодаль в лесу было мрачновато от тёмной мешанины елей, подлеска, каких-то неясных теней, беспорядочного сплетения стылых ветвей; вблизи же на чистой белизне снега дорога просматривалась без труда. То, что она пролегла здесь по нетронутой целине, хотя и затрудняло ходьбу, зато страховало от неожиданностей: вряд ли кто мог подстеречь их в этой глуши. И всё же Рыбак был настороже, особенно после Глинян, возле которых они часа два назад едва не напоролись на немцев. К счастью, на околице деревни повстречался дядька с дровами, он предупредил об опасности, и они повернули в лес, где долго проплутали в зарослях, пока не выбрались на эту дорогу.

Впрочем, случайная стычка в лесу или в поле не очень страшила Рыбака: у него было оружие. Правда, маловато набралось патронов, но тут ничего не поделаешь: те, что остались на Горелом болоте, отдали им что могли из своих, тоже более чем скудных, запасов. Теперь, кроме пяти штук в караби-

не, у Рыбака позвякивали ещё три обоймы в карманах полушубка, столько же было и у Сотникова. Жаль, не прихватили гранат, но и то не беда — к утру они будут в лагере. По крайней мере, должны быть. Правда, Рыбак чувствовал, что после неудачи в Глинянах они немного запаздывали, надо было поторапливаться, снег в лесу лежал неглубокий, а на дороге был плотно примят вьюгой. Но подводил напарник.

Всё время, пока они шли через лес, Рыбак слышал за спиной его глуховатый простудный кашель, раздававшийся иногда ближе, иногда дальше. Но вот он совершенно затих, и Рыбак, сбавив шаг, оглянулся — изрядно отстав, Сотников едва тащился в ночном сумраке. Подавляя нетерпение, Рыбак минуту глядел, как тот устало гребётся по снегу в своих неуклюжих, стоптанных бурках, как-то незнакомо опустив голову в глубоко надвинутой на уши красноармейской пилотке. Ещё издали слышалось его частое затруднённое дыхание, с которым Сотников, даже остановившись, всё ещё не мог справиться.

— Ну как? Терпимо?

— Так, — неопределённо махнул тот рукой и удобнее закинул за плечо винтовку. — Далеко ещё?

Прежде чем ответить, Рыбак помедлил, вопросительно взглядываясь в тощую, туго подпоясанную по короткой шинели фигуру напарника. Он уже

знал, что тот не признается, хотя и занемог, будет бодриться: мол, обойдётся, — чтобы избежать чужого участия, что ли? Уж чего другого, а самолюбия и упрямства у этого Сотникова хватило бы на троих. Он и на задание попал отчасти из-за своего самолюбия — больной, а не захотел сказать об этом командиру, когда тот у костра подбирал Рыбаку напарника. Сначала были вызваны двое — Вдовец и Глущенко, но Вдовец только что разобрал и принялся чистить свой пулемёт, а Глущенко сослался на мокрые ноги: ходил за водой и по колёно провалился в трясины. Тогда командир назвал Сотникова, и тот молча поднялся. Когда они уже были в пути и Сотникова начал донимать кашель, Рыбак спросил, почему тот смолчал, тогда как двое других отказались, на что Сотников ответил: «Потому и не отказался, что другие отказались». Рыбаку это показалось не совсем понятным, но погодя он подумал, что, в общем, беспокоиться не о чем: человек на ногах, стоит ли обращать внимание на какой-то там кашель — от простуды на войне не умирают. Дойдёт до жилья, обогреется, поест горячей картошки, и всю хворь как рукой снимет.

— Ничего, теперь уже близко, — ободряюще сказал Рыбак и повернулся, чтобы продолжить путь. Но не успел он сделать и шага, как Сотников сзади как-то резко всхрипнул и зашёлся в долгом нутряном кашле. Стараясь сдержаться, согнулся, зажал рукавом рот, но кашель оттого только усилился.

— А ты снега! Снега возьми, он перебивает! — подсказал Рыбак.

Борясь с приступом раздирающего его грудь кашля, Сотников зачерпнул пригоршней снега, пососал, и кашель в самом деле понемногу унялся.

— Чёрт! Привязался, хоть разорвись!

Рыбак впервые озабоченно нахмурился, но промолчал, и они пошли дальше.

Из оврага на дорогу выбежала ровная цепочка следов, приглядевшись к которым Рыбак понял, что недавно здесь проходил волк (тоже, наверно, тянет к человеческому жилью — не сладко на таком морозе в лесу). Оба они взяли несколько в сторону и дальше уже не сходили с волчьего следа, который в притуманенной серости ночи не только обозначал дорогу, но и указывал, где меньше снега: волк это определял безошибочно. Впрочем, их путь подходил к концу, вот-вот должен был показаться хутор, и это настраивало Рыбака на новый, более радостный лад.

— Любка там, вот огонь девка! — негромко сказал он, не оборачиваясь. Сотников на ходу вскинул голову.

— Что?

— Девка, говорю, на хуторе. Увидишь, всю хворь забудешь.

— У тебя ещё девки на уме?

С заметным усилием волочась сзади, Сотников уронил голову и ещё больше ссутулился.

По-видимому, всё его внимание теперь было сосредоточено лишь на том, чтобы не сбиться с шага, не потерять посильный ему темп.

— А что ж! Поесть бы только...

Но и упоминание о еде никак не подействовало на Сотникова, который опять начал отставать, и Рыбак, замедлив шаг, оглянулся.

— Вчера вздремнул на болоте — хлеб приснился. Тёплая буханка за пазухой. Проснулся, а это от костра пригрело. Такая досада...

— Не диво, приснится, — глухо согласился Сотников. — Неделю на пареной ржи продержаться...

— Да уж и парёнка кончилась. Вчера Гронский остатки роздал, — сказал Рыбак и замолчал.

Всё, что теперь действительно беспокоило его, он переживал молча. К тому же стало не до разговоров: кончался лес, дорога выходила в поле. Далее по одну сторону пути тянулся мелкий кустарник, заросли лозняка по болоту. Потом дорога круто сворачивала на пригорок, где из-за ольшаника должна была показаться дырявая крыша пуньки, а там за изгородью будет и дом с сараями и задранным журавлём над колодцем. Если журавль торчит концом вверх — значит, всё в порядке, можно заходить; если же зацеплен крюком в колодезном срубе, то поворачивай обратно — в доме чужие. Так, по крайней мере, когда-то условились с дядькой Романом. Правда, то было давно, с осени они сюда не заглядывали — кружили в других

местах, по ту сторону шоссе, пока голод и фельд-жандармерия опять не загнали их туда, откуда месяц назад выгнали.

Они приближались к повороту дороги. Рыбак со всё возрастающим нетерпением всматривался поверх кустарника, но в сером дремотном сумраке по-прежнему ничего не было видно. Потом минуту поднимались по склону краем дороги — так вели волчьи следы. Очевидно чувствуя близость жилья, волк осторожно и нешироко ступал, всё время прижимаясь к кустарнику. Они так же насторожённо и не спеша пробирались снежной обочиной.

Наконец Рыбак первым взошёл на пригорок и тут же подумал, что, по-видимому, ошибся — наверно, хутор был несколько дальше. Так нередко случается на малознакомой дороге, что некоторые участки её исчезают из памяти и весь путь тогда сдаётся короче, чем на самом деле. Рыбака всё сильнее охватывало нетерпение, он ускорял шаг, но опять сзади начал отставать Сотников. Впрочем, Рыбак уже перестал обращать на него внимание — неожиданно и как будто без всякой причины им завладела тревога.

Пуньки всё ещё не было видно в ночной серости, как не было видно впереди и других построек, зато несколько порывов ветра донесли до них горьковато-едкий смрад гари. Рыбак сначала подумал, что это ему показалось, что несёт откуда-то из леса. Он прошёл ещё сотню шагов, силясь увидеть сквозь

заросли привычно оснеженные крыши усадьбы. Однако его ожидание не сбылось — хутора не было. Зато ещё и потянуло гарью — не свежей, с огнём или дымом, а противным смрадом давно остывших углей и пепла. Поняв, что не ошибается, Рыбак вполголоса выругался и почти бегом припустил краем дороги, пока не наткнулся на изгородь.

Изгородь была на месте, хотя и поломанная, без двух верхних жёрдок — несколько пар перевязанных лозой кольев неровно торчали в снегу. Тут, за полоской картофляница, и стояла когда-то та самая пунька. Сейчас на её месте возвышался белый снеговой холмик, на котором местами выпирало-бугрилось что-то тёмное — недогоревшие головешки, что ли? Немного в отдалении, у молодой яблоневого посадки, где были постройки, тоже громоздились занесённые снегом бугры с полуразрушенной, нелепо оголённой печью посередине. На местах же сараев — не понять было — наверно, не осталось и головешек.

Минуту Рыбак стоял возле изгороди всё с тем же неумолкавшим ругательством в душе, не соображая, что делать дальше. Невольно перед глазами возникла недавняя картина человеческого жилья с его немудрёным крестьянским уютом: в хате возле печи хлопотала бабка Меланья, пекла драники, а они сидели без сапог на печи и дурачились с хохотуньей Любкой, угощавшей их сушёными лесными орехами.

Тем временем сзади подошёл Сотников. Наверно, он тоже понял всё с первого взгляда и, покашливая, молча смотрел на погребённые под снегом остатки бывшей хуторской усадьбы. Рыбак, преодолев наконец оцепенение, перешагнул жердь и прошёл по двору к печи, укрытой шапкой свежего снега. Совершенно нелепо было видеть на ней этот снег, плотным пластом лежавший на загнилке и даже запечатавший устье печи. Трубы наверху уже не было, наверно обвалилась во время пожара и сейчас вместе с головешками неровной кучей бугрилась под снегом.

— Сволочи! — зло выругался Рыбак.

За ним на чистый снег пустого подворья вышел Сотников, уныло постоял немного и отошёл к колодезному срубам. Колодец, кажется, был тут единственным, что не пострадало в недавнем разгроме. Цел оказался и журавль. Высоко задранный его крюк тихо раскачивался на холодном ветру.

Рыбак растерянно побродил по двору, пнул сапогом пустое дырявое ведро, обошёл разломанный, без колёс, ящик полузаметённой снегом телеги. Больше тут нечем было поживиться — то, что не сожрал огонь, наверно, давно растащили люди. Усадьба сгорела, и никого на ней уже не было. Даже не сохранилось следов человеческих ног, лишь волчьи петляли за изгородью — наверно, волк тоже имел какие-то свои виды на этот хутор.

— Ах гады, гады! — сокрушался Рыбак.

— Выдал кто-то, — сипло отозвался у колодца Сотников. Боком прислонившись к срубам, он заметно поёживался от стужи, и когда переставал кашлять, слышно было, как в его груди тихонько похрипывало, словно в неисправной гармонии. Рыбак помолчал, потом запустил в карман руку и собрал между патронов горсть пареной ржи — остаток его сегодняшней нормы.

— Хочешь?

Без особой готовности напарник протянул руку, в которую Рыбак отсыпал из своей горсти. Оба молча пожевали мягкие холодные зёрна.

— Подрубали, называется!

Рыбак понимал, что начинает всерьёз не везти, и впервые подумал, что это их невезение перестает быть случайностью. И не так важно было, что сами остались голодными, — больше тревожила мысль о тех, которые мёрзли теперь на болоте. За неделю боёв и беготни по лесам люди измотались, отоцали на одной картошке, без хлеба, к тому же четверо было ранено, двоих несли с собой на носилках. А тут полицаи и жандармерия обложили так, что нигде не высунуться, только один этот край болота и оставался ещё незакрытым. Но сюда далеко не пройдёшь — через три километра местечко с гарнизоном, патрули на дорогах, полиция, к тому же безлесье — туда путь им заказан.

Дожевав рожь, Рыбак оценивающе оглядел Сотникова.

— Ну как ты? Если плох, топай назад. А я, может, куда в деревню подскочу.

— Один?

— Один, а что? Не возвращаться же с пустыми руками.

Сотников молчал, лишь зябко подрагивал от холода: на ветру начал люто пробираться мороз. Чтобы как-то сохранить остатки тепла, он всё глубже засовывал озябшие руки в широкие рукава шинели.

— Что ты шапки какой не достал? Разве эта согреет? — с упреком сказал Рыбак.

— Шапки же в лесу не растут.

— Зато в деревне у каждого мужика шапка.

Сотников ответил не сразу:

— Что же, с мужика снимать?

— Не обязательно снимать. Можно и ещё как.

— Ладно, давай потопали, — оборвал разговор Сотников.

Они перелезли через изгородь и сразу оказались в поле. Сотников враз ссутулился, глубже втянул в воротник маленькую в пилотке голову, норвя на ходу отвернуться от ветра. Рыбак откуда-то из-за пазухи вытащил замусоленное, будто портянка, вафельное полотенце и, стряхнув его, повернулся к Сотникову.

— На, обмотай шею. Всё теплей будет.

— Да ладно...

— На, на! Оно знаешь как греет!

Сотников нехотя остановился, зажал между колен винтовку и скрюченными, негнушными пальцами кое-как закутал полотенцем шею.

— Ну во! — удовлетворённо сказал Рыбак. — А теперь давай рванём в Гузаки. Тут пара километров, не больше. Чем-нибудь расстараясь, не может быть...

★Глава вторая★

В поле было намного холоднее, чем в лесу, на встречу дул упругий, не сильный, но морозный ветер, от него до боли заходились оковеневшие без перчаток руки: как Сотников ни прятал их то в карманы, то в рукава, то за пазуху — всё равно мёрзли. Тут недолго было обморозить лицо и особенно уши, которые Сотников то и дело тёр суконным рукавом шинели. За ноги он не опасался: ноги в ходьбе грелись. Правда, на правой отнялись, потеряв чувствительность, два пальца, но они теряли её всегда на морозе и обычно начинали болеть в тепле. Но на холоде мучительно ныло всё его простуженное тело, а сегодня вдобавок ко всему его начало ещё и лихорадить.

Хорошо, что снег в поле был достаточно твёрд или не слишком глубок, они почти всюду шли поверху, лишь местами проваливаясь то одной, то другой ногой, проламывая затвердевший от моро-

за наст. Держались вдоль гривки бурьяна на меже, направляясь по склону вниз; сзади из сумерек тянулись два неровных ряда следов. В поле было немного светлее, чем в лесу, серый призрачный сумрак раздвинулся шире, вокруг на снегу дрожали от ветра сухие мёрзлые стебли бурьяна. По сторонам кое-где виднелись одинокие полевые деревца. Спустя четверть часа в лощине перед ними затемнелся какой-то кустарник — наверно, лозняк или ольшаник над речкой.

Сотников чувствовал себя куда как скверно: кружилась голова, временами что-то как будто проваливалось, исчезало из сознания, и тогда на короткое время он забывал, где находится и кто с ним. Наверно, в самом деле надо было воротиться или вовсе не трогаться из леса в таком состоянии, но он просто не допускал мысли, что может всерьёз заболеть. Не хватало ещё болеть на войне. Никто из них не болел так, чтобы освобождали от заданий, да ещё таких пустяковых, как это. Кашляли, простуживались многие, но простуда не считалась в лесу болезнью. И когда там, у костра на болоте, командир вызвал его по фамилии, Сотников не подумал о болезни. А минуту спустя, узнав, что предстоит сходить за продуктами, даже обрадовался, потому что все эти дни был голоден, к тому же привлекала возможность погреться какой-нибудь час в домашнем тепле.

И вот погрелся.